

УДК 331.5

Ткаченко С. Л.¹

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО И ВАЛЮТНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ЕВРОПЕ

В статье рассматривается процесс разработки механизма управления наднациональным Европейским центральным банком и осуществляется поиск консенсуса между моделями управления центральным эмиссионным институтом на уровне межгосударственного объединения интеграционного типа. Для изучения современной управленческой модели банковской системы в зоне евро автором использована концепция «эпистемиологического общества» и ключевые подходы международной политической экономики.

Ключевые слова: долларизация, валютная интеграция, МВФ, золотодевизный стандарт, золотой стандарт, система плавающих валютных курсов, Панамериканский союз, евразийский платежный союз, валютная и экономическая безопасность.

(продолжение статьи, начало в № 1(10) 2011 г.)

¹ Рецензент: д. е. н., профессор Н. М. Межевич

Уроки работы эпистемологического сообщества при создании ЭВС. Анализ работы Комитета Делора позволяет нам прийти к выводу о том, что не любая группа экспертов-теоретиков или менеджеров-практиков может составить эпистемологическое сообщество. И все же такое определение справедливо в отношении Комитета Делора, поскольку он отвечал четырем критериям «эпистемологического сообщества», предложенным в работах П. Хааса.

Во-первых, члены Комитета действительно разделяли нормативные убеждения, на которых основывалось ценностно-ориентированное познание социального взаимодействия членов сообщества. Так, они были твердо убеждены, что углубление экономической и валютной интеграции в Европе будет выгодно для ЕЭС при условии, что будущее развитие станет твердо базироваться на определенных, признаваемых экспертами принципах.

Во-вторых, они обладали взаимно признаваемыми убеждениями, которые возникли на основе анализа изучаемого явления и способствовали пониманию сути рассматриваемых проблем. Эти убеждения затем выступали в качестве базы для выявления связей между возможными политическими действиями и желательными результатами. Убеждения экспертов базировались на опыте функционирования ЕВС и руководства валютно-финансовой политикой в целом. Исходя из этого, они признавали, что: 1) инфляция причиняла значительный вред устойчивому экономическому росту; 2) для нормального функционирования «внутреннего рынка» требовалась стабильность валютных курсов; 3) фактическое доминирование в западноевропейских финансах германской марки и Бундесбанка политически небезупречно и должно быть заменено более справедливой системой и т. д. Хотя целью работы Комитета была разработка проекта нового общеевропейского института, управляющего финансами крупнейшего на планете интеграционного блока, все же делегирование управления всей экономикой Западной Европы наднациональному органу представлялось нежелательным. Скорее, национальные правительства предпочитали сохранить за собой полную ответственность за макроэкономическое регулирование на национальном уровне, а также полный контроль своих налоговых систем, отказываясь только от национальных денежных единиц.

В-третьих, приверженность убеждениям в ценности получаемого знания подтверждалась на протяжении всей работы Комитета. Эксперты демонстрировали единые подходы к выработке рекомендаций, оценке полученных результатов и накопленных новых знаний. Так, выводы о необходимости поддержания низкого уровня инфляции и независимом статусе центрального банка были новаторскими для своего времени, и члены комитета открыто демонстрировал готовность поддержать их.

В-четвертых, единое отношение к целям вырабатываемой политики было продемонстрировано уже самим фактом того, что они согласились войти в комитет, и признали мандат, выданный им Европейским советом. Комитет Делора состоял из авторитетных представителей академических институтов, центральных банковских институтов и государственных финансов, чей опыт был широко признан в Европе и мире. Они не только пользовались авторитетом, но и обладали «умением работать в команде», решая проблемы и тесно взаимодействуя в рамках различных форумов.

Как отмечает П. Хаас, эпистемологическое сообщество может конвертировать свой потенциал в реальное влияние посредством последовательного движения по четырем стадиям политического процесса [18]. На первом этапе происходит формулирование новых подходов к решению проблемы, которая прежде не ставилась или же решалась каким-то иным, не приемлемым более образом («инновационный этап» согласно терминологии П. Хааса). Действительно, Комитет Делора выработал несколько названных выше решений, являвшихся новаторскими для валютно-финансовой сферы европейской интеграции. Вторая стадия, известная как «диффузия политики», имела место на ежемесячных заседаниях Комитета. Транснациональная природа деятельности международных финансовых институтов благоприятствовала выполнению этой функции, однако и сама цель (создание единой валюты и общего центрального банка) предполагала интенсивный обмен мнениями на международном уровне. Третья стадия процесса, «выбор политики», безусловно, самая субъективная и политизированная, имела место как на этапе отбора членов Комитета, так и на завершающей стадии их совместной работы, при выработке окончательных рекомендаций лидерам стран ЕЭС. В данном случае решение Европейского совета было поистине «Соломоновым». С одной стороны, члены Комитета Делора были призваны разработать устав и другие документы для независимого ЕЦБ, что они охотно и сделали. Но, с другой стороны, их решения не были окончательными. Оставив за собой последнее слово, главы государств и правительств подстраховались на тот случай, если решение руководителей центральных банков, лишенных инструкций своих правительств, оказалось бы неприемлемым. То есть выбор политики был комплексным по своей архитектуре, но в рассматриваемом нами случае практически бесконфликтным. Наконец, существовала и четвертая стадия, в ходе которой члены эпистемологического сообщества своей деятельностью уже после завершения работы поддерживали установившийся по итогам их работы новый международный статус-кво и развивали многостороннее сотрудничество. Эта практика была отныне ориентирована на то, чтобы с использованием оптимальных средств устранять или смягчать остроту проблем, для решения которых она была выработана [28,

с. 292-3]. Внутри Комитета Делора сформировался консенсус относительно рекомендованных инструментов введения в оборот единой европейской валюты и ЕЦБ, поэтому выполнение данной функции не было связано с большими трудностями.

Хотя Европейский Совет просил членов Комитета Делора разработать детальный график построения ЭВС, сделать это было сложно. К. О. Пель, славившийся своей прямолинейностью и трудным характером, выступил против того, чтобы в течение переходного периода полномочия в валютно-финансовой области хотя бы какое-то время были разделены между ЕСЦБ и национальными институтами. В окончательном варианте Доклада достаточно четко были охарактеризованы лишь первые два этапа, причем дата начала второго этапа не называлась. В качестве начала отсчета первого этапа было названо 1 июля 1990 г, когда вводилась в действие Директива о либерализации движения капиталов. Т. е. первый этап, по сути, должен был быть продолжением деятельности ЕВС. А на втором планировалось создание ЕСЦБ для контроля мероприятий по переходу к единой валюте, причем изменения утвержденного плана допускались экспертами лишь в исключительных случаях.

Комитет Ж. Делора одной из главных целей своей работы назвал детализацию концепции ЭВС. Эксперты комитета констатировали, что данная концепция означает, по существу, сочетание трех отдельных компонентов: единого рынка; налоговой и бюджетной дисциплины; валютного союза, достигаемого путем централизации управления валютно-финансовой сферой.

Первый компонент, «единый рынок», был охарактеризован в Римском договоре 1957 г. и детализирован в Едином европейском акте 1986 г. с учетом новой ситуации в мировой экономике. Более того, ЕЭС к концу 1980-х гг. уже вышло на завершающий этап его создания.

Включение второго компонента, налоговой и бюджетной дисциплины в рамках государств ЕЭС, представлялось в конце 1980-х гг., равно как и в настоящее время, наиболее трудной сферой сотрудничества отдельных государств, а также коммунитарных институтов. С самого начала своей работы Комитет Делора достиг консенсуса относительно того, что для гарантирования стабильности валютного союза и его новой денежной единицы требуется достижение определенного уровня налоговой дисциплины. Решение включить положение о налоговой дисциплине в проект создания ЭВС возникло ввиду как экономических, так и политических причин, однако не было подтверждено эмпирическими данными или заключениями авторитетных экспертов в области налогообложения. У экономистов не было однозначного убеждения в том, что валютный союз может существовать без предварительного создания некоего «налогового союза», или же тщательного соблюдения на национальном уровне единой бюджетной дисциплины, как это имеет

место в федеративных государствах. Строгое выполнение отдельными регионами бюджетной дисциплины не всегда имеет место на практике, в том числе и в современной России. Но в любой федерации органы власти наделены четко сформулированными и закрепленными в законодательстве полномочиями в бюджетной и финансовой сферах. В эффективном с точки зрения менеджмента государстве недостаточно просто говорить о налоговой дисциплине. Эта дисциплина, а также взаимная ответственность институтов различных уровней власти (федерального, регионального, муниципального), и составляют сущность управления государственными финансами. Поэтому в процессе построения валютного союза руководители институтов ЕЭС и стран-членов по политическим соображениям были вынуждены представлять общественному мнению весь процесс построения ЭВС как прочно базирующийся на согласованной и непротиворечивой бюджетной политике отдельных стран-членов.

Можно не разделять точку зрения о том, что налоговая дисциплина является неотъемлемым условием создания валютного союза. Но у большинства экспертов как в Комитете Делора, так и в научных кругах, преобладало мнение о желательности закрепления в Маастрихтском договоре положения о соблюдении бюджетной дисциплины и желательности координации налоговой политики. При этом важно отметить, что когда в дискуссиях относительно ЭВС упоминалась проблема дисциплины в налоговой и бюджетной сферах, то, как правило, подразумевались национальные бюджеты, а не бюджет ЕС. Последний утверждается по особой схеме, и он всегда жестко ограничен источниками поступления в него доходов [2, с. 189-197]. Законодательство ЕС запрещает сводить его с дефицитом, а если это все же в силу объективных причин происходит, то в течение следующего финансового года нарушенное равновесие бюджета должно быть восстановлено. Наконец, величина этого бюджета пока слишком мизерна, чтобы каким-либо образом влиять на экономику Евросоюза в целом.

В национальных государствах ответственность за утверждение и исполнение бюджетов несут парламенты и правительства. Комитет экспертов Ж. Делора при обсуждении вопроса о бюджетной дисциплине тщательно обходил проблему сокращения полномочий суверенных государств и передаче их Брюсселю. На тот момент, как и в настоящее время, это было невозможно осуществить без долговременного ущерба всему интеграционному процессу. И все же подготовленный в ЕС механизм по своей эффективности мало чем уступал такому прямому изъятию полномочий (при условии, что суверенные государства реализовывали на практике то, с чем они соглашались в рамках обязательств внутри ЕС). ЕЭС устанавливал своеобразные бюджетные «правила игры», нашедшие отражение в некоторых из так называемых «Маастрихтских критериев» (дефицит

бюджета не свыше 3% ВВП, величина государственного долга – не свыше 60% ВВП), а также разработал механизм контроля за соблюдением этих критериев странами-членами. При этом, уже в течение второго этапа создания ЭВС, эксперты стали отмечать, что список критериев должен быть дополнен еще, как минимум, одним: максимальным показателем уровня безработицы. Как отмечал в 1996 г. германский исследователь Р. Дорнбуш (Rudi Dornbusch), наряду с другими условиями, «ЭВС должен содержать показатель максимальной безработицы. Страны с показателем, например, более 6% структурной безработицы, не должны иметь право быть членами ЭВС» [11, с. 120]. По мнению исследователя, условием вступления в ЭВС для государств с высокими показателями безработицы должно быть осуществление ими структурных реформ и пересмотр мер макроэкономической политики, в том числе снижение государственного вмешательства в экономику, сокращение излишне затратных социальных программ и т. д. Реализация этих мер должна была снизить показатель безработицы до уровня, при котором не было бы угроз для функционирования ЕЦБ.

Третий компонент ЭВС, «валютный союз», определяется эпистемологическим сообществом следующим образом: «Союз, где жестко зафиксированы курсы обмена валют и/или в оборот введена единая валюта» [7]. На наш взгляд, следует крайне осторожно относиться к таким упрощенным определениям. Мы считаем, что валютный союз не должен определяться подобным образом, поскольку и фиксирование валютных курсов, и введение единой валюты – это вторичные проявления иного, более масштабного по своей сути трансформационного процесса. Ведь и Бреттон-вудская система, и в определенной степени ЕВС представляли собой механизмы фиксации валютных курсов и обеспечения их неизменности в течение долгого времени. Согласившись с тем, что валютный союз не может существовать без единой валюты, а на начальных этапах и без жестко фиксированных валютных курсов нескольких денежных единиц, все же считаем необходимым отметить, что главный элемент в успехе такого союза – институциональный, а не финансово-экономический. И он воплощен в том, что ответственность за принятие решений в валютно-финансовой области переходит от множества институтов и органов власти в отдельных государствах к единому наднациональному институту. Иначе говоря, создание валютного союза означает, что на место множества институтов, где принимаются решения, приходит один такой институт. Если право принятия решений и контроля за их выполнением передается ему, то уже не имеет принципиального значения, управляет ли такой институт единой валютой или пока (на переходный период) остаются в обращении множество валют. Теоретически можно допустить, что данный институт даже может сам устанавливать курсы обмена между

управляемыми им валютами, хотя это стало бы экстремальным случаем, и на практике с ним сталкиваться крайне нежелательно из-за негативной реакции со стороны бизнеса. Да и положение о том, что в рамках территории одного государства (или валютного союза) может обращаться только одна валюта может быть, с нашей точки зрения, подвергнуто сомнению на основании примеров из истории. До 1917 г. в России находились одновременно в обращении медные, серебряные и золотые монеты, а также билеты Государственного банка. И законодательство Российской империи жестко фиксировало максимальную величину одного платежа, которую можно было сделать монетами одного типа – только медными или только серебряными. После начала Первой мировой войны возникла даже ситуация, при которой государство скупало у населения золото не по фиксированному соотношению, как это было предусмотрено в рамках золотого стандарта, а с существенной премией. Сделать это было несложно, поскольку все ключевые решения принимались органами исполнительной власти России: правительством страны и подчиненным ему Государственным банком.

Что касается разделения в полномочиях между национальными и надгосударственными структурами при создании валютного союза, то здесь также можно констатировать отсутствие принципиальных расхождений у экспертов Комитета Делора. Они считали, что в валютном союзе отношения в денежной сфере должны выстраиваться в рамках централизованной системы управления, и никаких «договорных отношений» между элементами цельной системы существовать не должно. Страны-члены могут печатать банкноты или чеканить монеты на собственных монетных дворах, они могут даже наносить на единые денежные знаки свои национальные символы, но общие объемы этой эмиссии должны определяться в едином центре, а не в каждой стране отдельно. И таким местом должен стать общий для всех стран валютного союза центральный банк. Как только возникнет второй центр, также претендующий на свою роль в принятии решений, валютный союз немедленно вступит в полосу кризиса и неизбежного краха.

Валютная система фиксированных, но изменяемых валютных курсов (Бреттон-вудская система) существовала задолго до того, как Комитет Делора принялся за решение проблемы создания валютного союза. И хотя в Римском договоре о валютном союзе не было упомянуто вовсе, однако учредивший ЕЭС документ опирался на четкое видение структуры и принципов работы экономики Западной Европы. При этом валютной дисциплине и сотрудничеству между государствами по ее обеспечению там уделено достаточно внимания. Поэтому тезис о валютной стабильности и ЭВС как институте, ее воплощающем на практике, впервые возник в Западной Европе в конце 1960-х гг., когда Бреттон-вудская система вступила в полосу кризиса.

Помимо уже имевшегося согласия относительно возможности регулирования валютных курсов на межгосударственном уровне и консенсуса относительно того, что интегрированная экономическая система нуждается в валютной стабильности объединенных ею частей, работе Комитета Ж. Делора благоприятствовало целое сочетание факторов, проявившихся в 1988–1992 гг. в рамках ЕС:

1. Признание объективного характера «несовместимой четверки» целей либеральной экономической политики и потребность выйти за рамки «либерального догмата»;
2. Необходимость поиска баланса между главными целями экономической политики;
3. Желание передать наднациональному институту право принятия валютно-финансовых решений, прежде de facto принадлежавшее западногерманскому Бундесбанку;
4. Сочетание экономического роста и политической стабильности на европейском континенте и в ряде ключевых для процесса валютной интеграции стран ЕС.

«Несовместимая четверка» – это ставшее популярным в политических и академических кругах утверждение, что фиксированные валютные курсы, свободная торговля, свобода движения капиталов и независимость национальных государств в валютно-финансовой области взаимно несовместимы. Действительно, развитие международных экономических и валютно-финансовых отношений за последние десятилетия представляет собой пример интенсивных поисков путей нейтрализации негативных последствий несовместимости этих факторов на международной арене. В современной глобальной экономике до наступления кризиса осенью 2008 г. была обеспечена практически полная свобода трансграничного перемещения капиталов, предпринималось немало попыток сохранить и гарантировать свободную торговлю путем заключения соглашений в области фиксирования или регулирования валютных курсов. Но такие соглашения никогда не соблюдались в течение продолжительного периода времени. Полная независимость государств в проведении политики, исходящей из приоритета национальных интересов, побуждала их пытаться извлечь из многосторонних соглашений одностороннюю выгоду. Это особенно наглядно проявилось в Европе в конце 1980-х гг. при создании внутреннего рынка. Гарантия его стабильного функционирования возникла лишь после согласия стран ЕЭС с тем, что ЕВС должна развиваться в направлении полной фиксации валютных курсов. Поэтому создание валютного союза в ЕС экспертами эпистемологического сообщества воспринималось как решительная и удачная попытка разорвать «несовместимую четверку», сделав возможным одновременное сочетание свободной торговли и либерализации движения капиталов. Постепенно эта идея получила широкое распространение и стала частью убеждений, которых придерживалось деловое сообщество в Европе и

далеко за ее пределами.

В чем был интерес правительств, обратившихся к эпистемологическому сообществу банкиров и экспертов с предложением разработать проект построения ЭВС? Думается, что не все руководители органов исполнительной власти в момент принятия решения о создании Комитета Делора могли четко сформулировать конечную цель, побудившую их поддержать проект. Так, правительство Великобритании во главе с М. Тэтчер как в 1988 г., так и позднее выступало против единой валюты и ЭВС. Однако оно приняло решение направить своего представителя в состав Комитета Делора с единственной целью: не остаться в стороне от разработки общеевропейского валютного проекта. Фактически, для Лондона участие в Комитете Делора было сугубо теоретическим «упражнением». Активная работа главы Банка Англии в Комитете Делора объяснялась опасениями Великобритании, что отказ от участия приведет к созданию внутри ЕС тесного блока ФРГ, Франции и стран Бенилюкса. А это лишало Лондон слова в определении будущего ЕЭС, а также могло со временем превратить в государство «второго сорта» в неформальной иерархии Сообщества.

Активная поддержка членами эпистемологического сообщества идеи независимости нового общеевропейского центрального банка и приоритета консервативной валютно-финансовой политики помогла правительствам убедить национальные элиты в выгоды такой политики. Фактически, речь шла о копировании в масштабах всего ЕЭС модели центрального банка ФРГ, что было политически крайне чувствительным вопросом для оберегавших свой суверенитет европейцев. Без отсылки к мнению «ведущих европейских экспертов» в преимуществах этой модели убедить представителей политической и деловой элиты было непросто, особенно в столь сжатые сроки – менее чем за год работы экспертов. В момент создания сообщества осенью 1988 г. подчинение центральных банков стран ЕС решениям своих правительств была типичным явлением. А уже через три года, во время ратификации Маастрихтского договора, фактически все центральные банки ЕС получили новые уставы, даровавшие им независимый статус по отношению к институтам исполнительной и законодательной власти. Эта подлинная революция могла быть инициирована различными институтами, но именно модель международного сообщества экспертов оказалась наиболее приемлемой, чтобы донести до правительств и общественности идею отказа от валютного суверенитета в пользу общеевропейского института.

ВЫВОДЫ

Взаимоотношения политиков, экспертов-теоретиков и менеджеров-практиков характеризуются сложной архитектурой и динамикой. Рассмотренный нами пример деятельности Комитета Делора представляется нам достаточно типичным для комплексного анализа этих отношений в рамках концепции эпистемологического сообщества. Данная

структура не была наделена какими-либо властными полномочиями, но ее долгосрочное влияние на общеевропейскую политику было очевидным и многомерным. На международном уровне проводились переговоры, в которых сближались позиции национальных государств для выработки единой политики. На национальном же уровне имела место легитимизация разработанной политики, формирование консенсуса в поддержку новых идей и планов. Предложения экспертов Комитета Делора были инкорпорированы в согласованный и подписанный текст Маастрихтского договора лишь с минимальными изменениями [5, 16]. В этом и состоял успех рассмотренного нами эпистемологического сообщества. Опыт его работы в рамках Комитета Делора оказался исключительно успешным, что соответствующим образом повлияло на создание ЭВС. Его изучение позволяет нам лучше понять природу взаимоотношений экспертов-теоретиков и менеджеров в государственном управлении социально-экономической сферой. Лишь с недавних пор исследователи обратились к этому уникальному инструменту разрешения сложных политико-экономических проблем, имеющих транснациональную природу, и эта деятельность должна быть продолжена в будущем.

Полученные результаты не были должным образом оценены в тот период, поэтому во многом успех эпистемологического сообщества при разработке архитектуры ЭВС оказался неполным. В дальнейшем даже сам ЕС редко обращался к созданию аналогичных структур. А когда он все же делал это, как в случае с разработкой отвергнутого в 2005 году населением Франции и Нидерландов Конституционного акта, то игнорировались важнейшие правила функционирования эпистемологического сообщества, обозначенные в данной статье.

Нам представляется, что опыт деятельности эпистемологического сообщества может быть востребован при разработке проектов интеграции на постсоветском пространстве, а главное – при обсуждении проектов будущего договора между Европейским Союзом и Российской Федерацией. Включение в единый транснациональный коллектив политиков и экспертов, имеющих прямой доступ к принимающим решения государственным деятелям, является, по нашему мнению, наиболее эффективным способом сближения позиций Москвы и Брюсселя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сиджански Д. Федералистское будущее Европы: от Европейского сообщества до Европейского Союза. – М., 1998.
2. Ткаченко С. Л. Полномочия Европейского парламента в бюджетной сфере. // Вестник Межпарламентской Ассамблеи. – 1995. – №2. – С. 189-197.
3. Adler, E. and Haas, P. M. (1992) 'Conclusion: epistemic communities, world order, and the creation of a reflective research program', *International Organization*. – Vol. 46, No. 1. – P. 367-90.
4. Andrews, David M. "Capital Mobility and State Autonomy: Towards a Structural Theory of International Monetary Relations // *International Studies Quarterly* 38, 1994. – P. 196.
5. Artis, M. J. (1992) 'The Maastricht road to monetary union'. *Journal of Common Market Studies*, Vol. 30. – P. 299-309.
6. Colchester, Nicholas, and David Buchan. 1990. *Europower. The essential guide to Europe's economic transformation in 1992*. – London : The Economist Books. – P. 175.
7. Committee for the Study of Economic and Monetary Union (1989) *Report on Economic and Monetary Union*, Office for Official Publications of the European Communities, Luxembourg.
- 8.

Conclusions of the European Council in Hanover, 27-28 June, 1988. 9. Delors Report (1989) Report on Economic and Monetary Union in the European Community. (Committee for the Study of Economic and Monetary Union). – Luxembourg : Office for Official Publications of the E.C. – P. 3. 10. Deutsch K. Political community at the international level: problems of definition and measurement. – Princeton, New Jersey : Princeton University, 1953. 11. Dornbusch, Rudi. Euro Fantasies. Common currency as panacea. In: Foreign Affairs, September/October 1996. – Vol. 75, No. 3. – P. 120. 12. Driver, Rebecca L. and Simon Wren-Lewis. European monetary union and asymmetric shocks in a new Keynesian model. In: Oxford Economic Papers, Vol. 51, Number 4, October 1999. – P. 665. 13. Duisenberg, W. F. (1989) 'The ECU as parallel currency' in Delors Report. – P. 185-89. 14. Dyson, Kenneth (1994): Elusive Union: The Process of Economic and Monetary Union in Europe. – London : Longman. – P. 129-30. 15. Foucault, M. (1973) The Order of Things. – New York : Vintage Books. 16. Gros, D., and N. Thygesen. 1998. European Monetary Integration. London: Longman. 17. Haas E. The uniting of Europe. Political, Social and Economic forces: 1950-1957. – London : Faber & Faber Ltd, 1958. 18. Haas, P. (1992) 'Introduction: epistemic communities and international policy co-ordination', International Organization. – Vol. 46, No. 1. – P. 1-35. 19. Haas, P.M. (ed.) (1997) Knowledge, Power and International Policy Coordination. – Columbia : University of Southern Carolina Press. 20. Hayes, F., and Wallace, H. (1995) 'Executive Power in the European Union: the functions and limits of the Council of Ministers', Journal of European Public Policy. – Vol. 2, No. 4. – P. 559-82. 21. Joerges, C., and Neyer J. (1997) 'From intergovernmental bargaining to deliberative political processes: The Constitutionalization of comitology', European Law Journal, Vol. 3, No. 3, P. 273-99. 22. Larosiere, J. de. (1989) 'First stages towards the creation of a European Reserve Bank. The creations of a European Reserve Fund' in: Delors Report. – P. 177-184. 23. Marcussen, Martin. 1999. The Dynamics of EMU Ideas. Cooperation and Conflict. – Vol. 34 (4). – P. 384. 24. Radaelli, C.M. (1995) 'The role of knowledge in the policy process', Journal of European Public Policy. – Vol. 2, No. 2. – P. 159-83. 25. Ruggie, J. G. (1975) 'International responses to technology', International Organization. – Vol. 29. – P. 557-84. 26. Ungerer, H. (1997) A Concise History of European Monetary Integration. From EPU to EMU. Westport, Connecticut / London, Quorum. – P. 200. 27. Verdun, A. (1996) "Asymmetrical" Economic and Monetary Union in the EU: Perceptions of Monetary Authorities and Social Partners', Journal of European Integration. – Vol. 20, No. 1. – Pp. 59-81. 28. Verdun, Amy (1998). The Role of the Delors Committee in the Creation of EMU: An Epistemic Community? – European University Institute, Working Papers RSC, No. 98/44. 29. Van Assche, Tobias. 2005. The Impact of Entrepreneurial Leadership on EU High Politics: A Case Study of Jacques Delors and the Creation of EMU. Leadership. – Vol. 1, No. 3. – P. 292-3. 30. Vos, E. (1997) 'The rise of committees', European Law Journal. Vol. 3, No. 3, P. 210-29. 31. Wright, K. (1997) 'Knowledge and expertise in European conventional arms control negotiations: an epistemic community?' – The European Policy Process Occasional Papers, No. 41. 32. Werner Report. Report to the Council and to the Commission on the realization by stages of Economic and Monetary Union in the Community. – Supplement to the Bulletin 11 (1970) of the European Communities. Luxembourg, 8 October 1970. – P. 9.